

ПОѢЗДКА ВЪ ТУРИНСКЪ КЪ ДЕКАБРИСТУ ВАС. ПЕТР. ИВАШЕВУ

въ 1838 г.

Воспоминаніе Г. М. Толстого.

Croyez-moi, monsieur, laissez là des critiques qui ne conviennent qu'aux gens sans talents, incapables de rien produire d'eux-mêmes, et qui ne savent chercher de la réputation qu'aux dépens de celle d'autrui.

J.-J. Rousseau.

I.

Спасскій уѣздъ, по справедливости, считается лучшимъ уѣздомъ Казанской губерніи. И точно, все у насъ есть и всего вдоволь: и земли, и воды, и луговъ, и лѣсовъ, и даже болотъ съ дупелями и бекасами. Есть у насъ пристани на Волгѣ и на Камѣ—и все не за горами. Сбывай что хочешь, получай что угодно—хоть изъ-за моря.

Много у насъ прекрасныхъ селъ; но, по моему мнѣнію, лучшее изъ нихъ — село Бураково. Оно, со многими другими деревнями, принадлежало нѣкогда большому барину Александру Васильевичу Толстому, который, живя постоянно зимою въ Симбирскѣ, а лѣтомъ въ 35 верстахъ отъ Симбирска, въ селѣ Ундарахъ—сюда почти и не заглядывалъ.

По смерти Александра Васильевича, Бураково перешло по наслѣдству къ дочери его, Вѣрѣ Александровнѣ, вышедшей замужъ за Петра Никифоровича Ивашева. Она отдала это имѣніе

второй дочери своей—Екатерины Петровны, вышедшей за князя Хованскаго.

Князь Юрій Сергѣевичъ Хованскій, человѣкъ со вкусомъ изящнымъ, заказалъ архитектору Брюлову планы на домъ и церковь, и черезъ два года въ Бураковѣ, на высокомъ берегу прелестнаго Акталя, забѣлѣлись у моего любезнаго родственника каменные палаты.

Домъ этотъ, съ виду очень нарядный, напоминаетъ нѣкоторыхъ красавицъ, на которыхъ глядѣть хорошо, а жить съ ними неудобно.

Я въ особенности люблю въ Бураковскомъ домѣ балконъ, обращенный на рѣку. Съ него представляется взорамъ горизонтъ верстъ на пятнадцать: всѣ поля, какъ на ладони, и паръ съ пасущимися на немъ стадами, и рожь съ вѣчно колеблющимся колосомъ, и зеленый, какъ изумрудъ, овесъ, и бѣлая, какъ снѣгъ, цвѣтущая греча.

22-го ноября праздновался день рожденія бураковской помѣщицы, и въ 1838 году, къ этому дню, съѣхалось очень большое общество. Всѣ ея сестры, съ мужьями, дѣтьми, мадами, мамзелями, много родныхъ, друзей и пріятелей собрались поздравлять поворожденную.

Праздникъ начался торжественно. Дамы принарядились; мужчины на этотъ разъ одѣлись почище обыкновеннаго; дѣтямъ было позволено шумѣть сколько хотятъ, но на томъ непремѣнномъ условіи, чтобы не драться, не плакать и не жаловаться.

Словомъ, всѣ веселились, смотря по возрастамъ; всѣ наслаждались тѣмъ радостнымъ спокойствіемъ, которое часто бываетъ предвѣстникомъ горя.

Одного гостя, и самаго для насъ милаго, Петра Никифоровича Ивашева, ожидали мы изъ Симбирска, и въ этомъ пріятномъ ожиданіи все общество разошлось большимъ полукругомъ около окна, изъ котораго была видна симбирская дорога.

Подходитъ часъ обѣденный, а старика еще нѣтъ.

„Поздравляю, сказалъ кто-то,—тройка въѣзжаетъ въ околицу!“

— „Это онъ, онъ“, раздались голоса и поднялся шумъ.

„Нѣтъ, не онъ, сказала хозяйка, поглядѣвъ въ подозрную трубку.—Папа никогда не ѣздитъ въ открытомъ экипажѣ...“ И оказалось — точно не онъ. Вошелъ человѣкъ и объявилъ, что пріѣхалъ князь Сергѣй Сергѣевичъ Хованскій.

„Зови его сюда“, сказала хозяйка.

— „Изволятъ переодѣваться, отвѣчалъ слуга и, подойдя ко мнѣ, онъ шепнулъ:—Князь просить васъ пожаловать къ нему какъ можно скорѣе“.

Никто не слышалъ что было мнѣ сказано, а разговоры разомъ затихли и всѣхъ какъ будто передернуло.

Я всталъ и пошелъ торопливо; за мной слѣдомъ отправился пріятель нашъ, Ѳеодоръ Ивановичъ Топорнинъ. Входимъ въ ту комнату, гдѣ находился пріѣзжій, и видимъ, что на немъ, какъ говорится, лица нѣтъ.

„Что съ вами?“ спросилъ я князя.

— „Бѣда, отвѣчалъ князь,—старикъ Ивашевъ умеръ“.

„Какъ умеръ? отъ чего?“

— „Умеръ вчера, скоропостижно“.

Сѣли мы всѣ трое рядомъ и задумались; а думали о томъ, какъ объявить дочерямъ умершаго о такомъ страшномъ и неожиданномъ горѣ.

„Распоряжайтесь, какъ знаете, сказалъ я,—а я сію-же минуту скачу въ Симбирскъ, чтобы не опоздать на похороны умершаго“.

— „И я съ вами“, сказалъ Топорнинъ.

Тарантасъ скоро подали; мы впрыгнули въ него и поскакали по симбирской дорогѣ.

Быстрый отъѣздъ нашъ произвелъ большое волненіе въ Бураковѣ; женщинамъ сказали, что Петръ Никифоровичъ занемогъ и мы поспѣшили въ Симбирскъ, чтобы завтра-же прислать извѣстіе объ его здоровьи.

Описывать подробности этого происшествія я считаю излишнимъ.

Кто не плакалъ—тотъ не любилъ, а кто не любилъ — тотъ и не жилъ.

Ночью подѣхали мы къ ивашевскому дому; двери съ параднаго крыльца растворены настежь; большія сѣпи биткомъ набиты народомъ; сверху пахнуло на насъ ладаномъ и мертвецомъ; слышно протяжное чтеніе заупокойныхъ молитвъ и долетаютъ до насъ вскрикиванья отъ несдерживаемыхъ рыданій.

Мы вошли въ залу, гдѣ стояло тѣло, помолились, поплакали,

простились съ усопшимъ и удалились въ отведенную для насъ комнату, надѣясь отдохнуть отъ сильнаго душевнаго потрясенія.

Не раздѣваясь, легли мы на диваны; передъ нами на столѣ горѣли свѣчи; мы лежали молча, но заснуть не были въ состояніи.

Вдругъ въ комнату нашу вбѣгаетъ человѣкъ огромнаго роста и бросается передо мною на колѣни.

Нервы мои, и безъ того сильно раздраженные, сжались судорожно; я, вскочивъ съ дивана, сердито сказалъ незнакомцу:

„Встаньте и скажите безъ фигуръ что вамъ нужно, только, Бога ради, поскорѣе, я нахожусь въ совершенномъ изнеможеніи!“

Великанъ поднялся и сказалъ: „Я служитель Василія Петровича Ивашева. Когда барина моего переводили изъ Петровскаго острога на поселеніе, покойная Вѣра Александровна отравила меня и жену мою въ Туринскъ, чтобы приготовить домъ и все хозяйство къ пріѣзду Василія Петровича. Господа нами довольны, и жена моя осталась въ Туринскѣ, а я пріѣхалъ въ Ундары, чтобы продать домъ и возвратиться къ ней“.

— „Все это прекрасно, сказалъ я, — только для чего-же вы становитесь передо мною на колѣни и дѣлаете такіа странныя сцены въ такое горестное время?“

„Извините, что васъ обезпокоилъ, продолжалъ великанъ, — но я боюсь, что внезапное извѣстіе о смерти Петра Никифоровича убьетъ моего добраго барина, и я пришелъ просить васъ позволить мнѣ ѣхать въ Туринскъ и объявить ему объ этомъ несчастіи. Я сумѣю приготовить его къ принятію этого горя“.

— „Разрѣшить поѣздки я не могу, но по пріѣздѣ въ Бураково я сообщу наслѣдникамъ Ивашева о прекрасныхъ вашихъ чувствахъ и увѣренъ, что предложеніе ваше примется съ общою радостью“.

Проситель поклонился и вышелъ.

„Какой прекрасный человѣкъ!“ сказалъ Топорнинъ.

— „Конечно прекрасный, отвѣчалъ—я, только мнѣ удивительно, какъ такая топкая деликатность пролѣзла сквозь такую толстую кожу, и такіа нѣжности высказаны такимъ густымъ басомъ“.

„А мнѣ кажется, сказалъ Топорнинъ, — что только подъ толстою кожей можетъ сохраниться истинно-доброе сердце“.

— „Все это можетъ быть, однако-же, не худо-бы узпать, отъ

кого-нибудь изъ вѣрныхъ людей, что за личность являлась къ намъ“.

„Пошлите за управляющимъ, сказалъ Ѳеодоръ Ивановичъ, — я видѣлъ его въ залѣ у гроба“.

Никита Петровичъ Козловъ, управляющій всѣми Ивашевскими имѣніями, явился въ сопровожденіи Анисима Ивановича, исправляющаго должность домашняго лекаря, медика плохаго, но человѣка хорошаго.

Эти господа сказали намъ, что незнакомца нашего зовутъ Ѳеодоромъ, что онъ поведенія прекраснаго и заслуживаетъ полнаго довѣрія.

Когда Козловъ и Анисимъ Ивановичъ ушли отъ насъ, мы снова попробовали уснуть, и такъ какъ это оказалось невозможнымъ, то между нами завязался слѣдующій разговоръ:

„Знаете-ли, Ѳеодоръ Ивановичъ, что мнѣ пришло въ голову?“

— „Нѣтъ, Григорій Михайловичъ, не знаю“.

„Вмѣсто того, чтобъ отправлять Ѳеодора, не съѣздить-ли мнѣ самому къ Василю Петровичу?“

— „Прекрасная мысль — и я съ вами!“

„Нужно эту поѣздку хорошенько обдумать“.

— „Намъ не съ женами прощаться, не дѣтей благословлять, чего думать — сѣсть, да ѣхать!“

„Безъ денегъ не далеко уѣдешь, а ихъ въ настоящее время нѣтъ ни у васъ, ни у меня“.

— „Вздоръ! достанемъ“.

„Не въ однѣхъ деньгахъ заключается препятствіе“.

— „Въ чемъ-же еще?“

„А грозный-то царь?“

— „Грозенъ царь — да милостивъ Богъ!“

„Съ Николаемъ Павловичемъ не распутишься“.

— „Кто робѣетъ, тому недоступенъ смѣлый и самоотверженный поступокъ; повѣрьте себя хорошепко, и ежели боитесь, то оставайтесь дома — я уѣду одинъ“.

„Погодите, не горячитесь! Знаете-ли вы рѣшеніе царя на просьбу Вѣры Александровны съѣздить къ сыну въ Сибирь?“

— Нѣтъ, не знаю.

„Государь рѣшилъ: ѣхать можетъ, но съ тѣмъ, чтобы не возвращаться въ Россію“.

— „Все равно, я непременно ѣду!“

Рѣшимость Федора Ивановича очень меня ободрила; я протянулъ ему руку и сказалъ:

„Ну, другъ, ѣдемъ вмѣстѣ; что будетъ—пусть будетъ!“

Мы позвали Федора и сообщили ему нашу мысль; онъ очень обрадовался и общалъ свозить насъ такъ, что о поѣздкѣ нашей никто не узнаетъ.

У меня было много причинъ для поѣздки въ Туринскъ. Мои родственныя и дружественныя связи съ Василюмъ Петровичемъ и его семействомъ заставляли меня страстно желать свиданья съ нимъ, особенно послѣ 13-ти-лѣтней мучительной разлуки; нужно мнѣ было узнать, какъ хочетъ онъ распорядиться имѣніемъ, оставшимся послѣ его родителей, на которое, по закону, онъ не имѣлъ права, но право это предоставлялось ему его сестрами.

Еще одинъ вопросъ долженъ былъ разрѣшить Василій Петровичъ. Какъ устроить состояніе одного изъ нашихъ родственниковъ, котораго старуха Вѣра Александровна надѣлила не совершенно удовлетворительно.

Занятый этими важными семейными вопросами, я не замѣтилъ какъ прошла ночь и наступило время, назначенное для похоронъ.

На похороны собралась большая публика, и такъ какъ церковь переполнилась народомъ, то полиціймейстеръ закричалъ тѣмъ хриплымъ голосомъ, который отличаетъ русскую полицію отъ всѣхъ остальныхъ существъ, созданныхъ по подобію Божію: „Черный народъ не пускать!“

Изъ этого поднялся шумъ, грозившій перейти въ буйство.

„Какъ! заговорили ударовскіе крестьяне, которыхъ было множество:—насъ не пускать въ храмъ Божій въ то время, какъ отпѣваютъ нашего добраго барина! Мы принесли его за 35 верстъ на своихъ рукахъ, да не мы будемъ опускать его въ землю! Нѣтъ, ребята, этого терпѣть нельзя!“

Похоронами распоряжался бывшій въ то время губернскимъ предводителемъ Григорій Васильевичъ Бестужевъ; онъ вышелъ къ народу и сказалъ:

„Не шумите, ребята! Храмъ Божій не кабакъ. Вспомните, что теперь отпѣваютъ вашего барина, котораго вы любили; такъ, кажется, не время буйнить съ полиціей“.

„Ну! ваше превосходительство, мы ничего, мы только того... намъ показалось обидно! сказали мужики,—а мы ничего!...“

По окончаніи печальной церемоніи я поѣхалъ въ Бураково; здѣсь, разумѣется, слезы.

Разсказавъ всѣ подробности о кончинѣ Петра Никифоровича, я сказалъ о намѣреніи нашемъ съѣздить въ Туринскъ.

Разговоры по этому предмету продолжались нѣсколько дней и кончились тѣмъ, что намъ дали денегъ и благословили въ путь. Изъ Буракова выѣхалъ я послѣ ранняго обѣда и часу въ пятомъ пріѣхалъ къ дядѣ моему, Владиміру Львовичу, въ с. Левашево.

Отворяю дверь въ прихожую—въ ней дымъ столбомъ; меня такъ и обдало сквернымъ табачнымъ запахомъ.

Нагорѣлая и догорающая сальная свѣча, вставленная въ бутылку, стоитъ на полу. Двое слугъ, Михайло Панферовъ и сынъ его Петрушка, лежатъ на скамейкахъ размертвецки пьяны. Я отнесся сначала къ папенькѣ: шевелю его и кричу въ самое ухо: „Михайло! Михайло!“ Но труды мои были напрасны. Панферычъ не оказалъ ни малѣйшаго признака жизни.

Перехожу къ сыну, толкаю его и кричу: „Петруша! Петруша!“ Этотъ какъ будто живъ, только чуть живъ.

Онъ, не раскрывая глазъ, проговорилъ внятно: „Ну, ты, къ чорту!“—поворотился на другой бокъ и захрапѣлъ молодецки.

Я снялъ съ себя шубу, бросилъ ее на полъ и вхожу въ залу. Въ залѣ темно; только изъ дальней комнаты мерцаетъ какой-то полусвѣтъ.

Я иду прямо на огонь; вхожу въ кабинетъ и вижу, что на бюро, въ которомъ хранятся дядины сокровища, горитъ свѣча; около бюро стоятъ четыре мужика, по два въ рядъ, съ огромными дубинами и печальными лицами.

„Здравствуйте, православные, сказалъ я.

— „Здравствуйте, батюшка Григорій Михайловичъ“, отвѣчали мужички.

„Что вы это, ребята, стоите здѣсь на такой вытяжкѣ?“

— „Да на караулъ, батюшка“.

„На какомъ караулѣ?“

— „Казну господскую караулимъ“.

„А гдѣ-же баринъ?“

— „Уѣхалъ къ братцу своему, Павлу Львовичу, въ Мурзиху“.

„Какъ уѣхалъ? Дядюшка ужъ 30 лѣтъ никуда не ѣздитъ“.

— „Зпять надумался, сказалъ одинъ изъ часовыхъ,—взялъ, да и поѣхалъ“.

„И я поѣду въ Мурзиху! Сходи-ка, часовой, да вели подавать моихъ лошадей, а я за тебя покараулю“.

Крестьянинъ ушелъ; я взялъ его дубину и сталъ на караулъ; часовые расхохотались:

— „Ай, ай! Григорій Михайловичъ, сказалъ одинъ,—больно ты прокурать!“

Отъ села Левашева до Мурзихи верстъ 20 съ небольшимъ, и я скоро туда доѣхалъ. Здѣсь нашелъ я другую обстановку. Господскій домъ ярко освѣщенъ; громъ оркестра слышенъ даже на улицѣ, и народа, слушающаго музыку и глядящаго въ окна, было множество. Дядя Павелъ Львовичъ притворялся большимъ меломаномъ и завелъ порядочный оркестръ изъ крѣпостныхъ своихъ людей. Я былъ очень друженъ съ моими дядями, и появленіе мое произвело большую радость.

„Вотъ какъ хорошо ты подѣхалъ, сказалъ Павелъ Львовичъ, мы пріятно проведемъ вечеръ“.

— „Я привезъ вамъ печальную новость: Петръ Никифоровичъ скончался“.

Владиміръ Львовичъ широко перекрестился и сказалъ Павлу Львовичу:

„Mon frère, отпусти оркестръ: у насъ семейное горе и музыка теперь не кстати. Жаль Петра Никифоровича, онъ былъ совершенно du bon ton и большой мастеръ танцевать“.

„Вотъ, подумалъ я,—и біографія готова“.

„Со мною случилось сегодня такое происшествіе, сказалъ я, обращаясь къ дядямъ,—что если суждено намъ прожить еще 1000 лѣтъ, то и тогда это чудо не повторится“.

— „Что такое?“ спросилъ Владиміръ Львовичъ.

„Я былъ у васъ и не засталъ васъ дома“.

— „Полно пустяки-то говорить; ты лучше скажи, все-ли нашелъ у меня въ порядкѣ?“

„Все, mon cher oncle! Михайло Панферовъ съ сыномъ лежатъ, а мужики съ дубинами стоятъ около бюро“.

— „Мужики хорошо караулятъ, сказалъ дядя,—это порядокъ, порядокъ пастоящій. А что пьяницы валяются на лавкахъ, это тоже своего рода порядокъ—порядокъ вещей!“

— „Однако-же, позвольте васъ спросить, сказалъ я дядѣ,—по какому случаю пріѣхали вы сюда совершенно неожиданно?“

„Я сейчасъ открою тебѣ весь секретъ. До меня дошли слухи, что мурзинскій баринъ (который сидитъ передъ тобою) открылъ отель, да такой отель, что никто не можетъ проѣхать мимо, не спрося чаю, кофе или закусокъ. Я люблю отели; они напоминаютъ мнѣ Германію и отечественную войну. Вотъ я и вздумалъ: дай-ка съѣзжу, да погляжу, чего надѣлалъ мой братецъ въ Мурзихѣ? Ты понимаешь, что все было обдумано, все взвѣшено на умственныхъ вѣсахъ. Я назначилъ караулъ и назвалъ караульныхъ по имени; опредѣлилъ, сколько времени стоять на часахъ и какъ дѣлать смѣну; приказалъ приготовить провожатыхъ, чтобъ не сбиться съ дороги; взялъ съ собою Петра Голубева, потому, что онъ пьяница, но не горькій; сѣлъ въ кибитку и говорю: „Пошелъ въ Мурзиху!“

— „Слушаю, сказалъ кучеръ,—къ Павлу Львовичу?“

„Совсѣмъ не къ Павлу Львовичу! Пошелъ въ Мурзиху въ трактиръ!“

„Надо было посмотрѣть, какой эффектъ произвели эти слова! Лошадей тронули и черезъ два часа меня подвезли къ отелю. Вхожу и вижу: изба новая, полы чистые, Яковъ Тарасовъ въ фартукъ ходитъ совершеннымъ метръ д'отелемъ. Все мнѣ понравилось.

„Ну, говорю я Тарасову: пельзя-ли мнѣ получить въ вашемъ отелѣ кофію—только хорошаго кофію?“

— „Можно, батюшка Владиміръ Львовичъ; у насъ всегда все на готовѣ для проѣзжающихъ; какъ прикажете подать, въ стаканчикъ или чашечкѣ?“

„Дай мнѣ маленькую чашечку; я изъ стакановъ не пью; это мнѣ кажется какъ-то еривно“.

Тарасовъ подаль кофе, который я выпилъ съ удовольствіемъ.

„Теперь давай разсчитываться. Сколько слѣдуетъ мнѣ заплатить за мою чашку кофею?“

— „Рубль серебра, батюшка, назначено по таксѣ“.

„Вотъ тебѣ рубль; а какъ зовутъ хозяина этой гостинницы, о томъ я тебя не спрашиваю: я по цѣнѣ узнаю брата моего Павла Львовича!“

Этотъ рассказъ очень развеселилъ насъ и мы долго смѣялись.

Когда стали расходиться, я сказалъ дядямъ:

„Прощайте, можетъ быть, надолго! Я ѣду въ Сибирь“. И сообщилъ имъ причины моей поѣздки.

Это извѣстіе страшно потрясло моихъ стариковъ. Владиміръ Львовичъ съ большимъ жаромъ сказалъ мнѣ:

„Знаете-ли вы, Григорій Михайловичъ, кто сидитъ у насъ на престолѣ? Не Екатерина Алексѣевна, не Александръ Павловичъ и даже не Павелъ Петровичъ; у насъ государствуетъ Николай I, а это такой человѣкъ, который“...

Онъ высоко поднялъ руки и повертѣлъ пальцами надъ головой.

„Какъ-же ты поѣдешь?“ спрашивалъ меня Павелъ Львовичъ.

— „Я думаю ѣхать подъ чужимъ именемъ“, сказалъ я.

„Нѣтъ, этого не дѣлай. Въ несчастномъ случаѣ ты усугубишь вину свою“.

Я поблагодарилъ Павла Львовича и обѣщалъ непременно выполнить умный его совѣтъ.

Когда началось окончательное разставанье, Владиміръ Львовичъ сказалъ: „Слава Богу, что брата Михаила Львовича нѣтъ на свѣтѣ, его-бы убила эта поѣздка. Прощайте; у васъ всегда были такія идеи, которыя...“

Старики меня благословили; они ушли спать, а я поѣхалъ въ Казань.

Въ ту самую минуту, какъ я въѣхалъ въ Казань, на соборной колокольнѣ ударило къ вечернѣ. Я перекрестился; не знаю, суетѣрное или глубоко религіозное чувство шевельнулось въ моемъ сердцѣ.

Меня подвезли къ старому дому дворянскаго собранія, гдѣ почтенный Егоръ Ивановичъ Гедлеръ содержалъ номера; тутъ нашелъ я Топорнина, съ провожатымъ нашимъ Ѳедоромъ, Александра Ивановича Ермолова и общаго пріятеля нашего Астафьева, бывшаго въ то время флигель-адъютантомъ.

По случаю пріятной компаніи, мы загуляли сильно, но никто изъ насъ не проврался. Мы знали Астафьева за благороднѣйшаго человѣка, но не сказали ему о нашей поѣздкѣ, боясь поставить его въ неловкое положеніе передъ государемъ. Три дня готовились мы къ поѣздкѣ, и 10-го декабря выѣхали изъ Казани.

Мы везли съ собою два сокровища. 1-е—образъ, въ которомъ средина была выпиlena, въ отверстіе вложена довольно

большая сумма денегъ и пустота потомъ очень искусно заклеена, и 2-е—нисьма и бумаги, которыя защиты были въ воротникахъ нашихъ шубъ.

Для чего поднимались мы на такіе фокусы, я понять теперь не могу. Не прощали было положить деньги въ карманъ и при свиданіи съ Василюмъ Петровичемъ передать ихъ изъ рукъ въ руки. Хорошіе мы заговорщики! А вѣдь смѣлы, чортъ побери! Въ какое время и съ кѣмъ вздумали играть въ гулюкушки!

Мы ѣхали въ прекрасномъ возкѣ и разсѣлись просторно; съ нами внутри экипажа сѣлъ мой камердинеръ, мальчикъ лѣтъ 15-ти, а для провожатаго нашего Федора (который одѣлся какъ-то по-казацки, съ саблею и двумя пистолетами за поясомъ) было устроено сзади возка отличное помѣщеніе.

Мы подвигаемся сильно, и много станцій проѣхали благополучно, безъ приключеній; но по справедливости скажу вамъ о себѣ, что я чувствую себя не по себѣ: не то что положительно трушу, а нахожусь въ какомъ-то тихомъ элегическомъ настроеніи.

Товарищъ-же мой, Топорнинъ, отличается самою искреннею веселостью: сидитъ да рассказываетъ, куритъ да поплевываетъ.

Въ Екатеринбургѣ жилъ въ то время большой нашъ пріятель, Дмитрій Александровичъ Арсеньевъ. Отецъ его жены, г. Бороздинъ, былъ тутъ откупщикомъ, и Арсеньевъ, съ прелестною своею супругою, помѣщался въ домѣ своего тестя.

На послѣдней станціи къ Екатеринбургѣ ямщикъ спросилъ насъ:

„Куда прикажете вѣхать въ городъ?“

— „Знаешь Арсеньева?“

„Знаю“.

— „Вези насъ къ нему, только живѣе, чтобы застать намъ его не спящимъ“.

Было уже около полуночи, когда мы вѣхали въ городъ; казалось, что весь Екатеринбургъ почиваетъ: ни одного человѣка не видно на улицѣ; во всѣхъ домахъ совершенныя потемки.

Вѣхавъ на площадь, мы, къ удивленію нашему, были почти ослѣплены яркимъ освѣщеніемъ. Нѣсколько сотъ плошекъ горѣли на этой площади и она заставляла была экипажами. Одинъ изъ

домовъ былъ очень парядно освѣщенъ шкаликами снаружи и залить свѣтомъ внутри.

„Посмотрите, сказалъ Топорнинъ,—это, должно быть, свадьба“.

Мы хотѣли спросить у ямщика, что это значитъ, но онъ быстро подвезъ пасъ къ крыльцу этого самаго дома и сказалъ:

„Вотъ, слава Богу, доѣхали, и господа, должно быть, еще не спать“.

— „Куда ты завезъ насъ“! закричалъ я съ досадою на ямщика.

„Какъ куда? Къ Дмитрію Александровичу; вѣдь вы сами приказали“.

— „Къ какому Дмитрію Александровичу?“

„Да къ Арсеньеву-то“.

— „Развѣ Арсеньевъ здѣсь живетъ?“

„А гдѣ-же, кажись, здѣсь“.

Мы послали Ѳедора развѣдать хорошенько, чей это домъ и кто въ немъ живетъ. Ѳедоръ скоро возвратился и объявилъ, что домъ г. Бороздина, что у него большой балъ, что Дмитрій Александровичъ дома и изволить танцовать.

Мы придумали вызвать Арсеньева, чтобы поздороваться и проститься съ нимъ и, не теряя ни минуты, продолжать наше путешествіе. Въ это время морозъ былъ жестокий; Топорнинъ предложилъ войти въ сѣни, чтобы немного обогрѣться.

Нарядный швейцаръ отворилъ намъ двери и мы всѣ разомъ вошли. Въ сѣняхъ лакеевъ было множество; кто-то изъ толпы закричалъ: „Балюшки! Что это за чучелы“, и хохотъ сдѣлался общимъ.

Другой лакей замѣтилъ остроумно: „Это, должно быть, наряженные“ — „И то наряженные“, повторили многіе голоса.

Что мы точно были чучелы, то будетъ видно изъ слѣдующаго описанія.

На пасъ были дубленые полушубки, лица наши такъ обвязаны платочками и шарфами, что видны были только одни глаза; на головахъ надѣты были высокія бараньи шапки, пазы-ваемые эриванками, на ногахъ огромные мѣховые сапоги,—къ этому должно прибавить, что во мнѣ роста 2 аршина 8 вершк., Топорнинъ на вершокъ выше меня, а Ѳедоръ—на два выше Топорнина.

„Взгляните хорошенько, ребята, раздался голосъ:—вѣдь это не люди, а какія-то каланчи пожарныя!“

Я попросилъ швейцара сказать Арсеньеву, что двое его пріятелей, проѣздомъ изъ Симбирска, просятъ его сойти къ нимъ на пару словъ. Дмитрій Александровичъ не заставилъ себя долго ждать и, сбѣгая по лѣстницѣ, кричалъ намъ: „Кто вы, господа? Я не узнаю!“ Мы назвались, и Арсеньевъ, обнимая насъ, вдругъ воскликнулъ: „А, понимаю!“

Онъ приказалъ швейцару проводить насъ въ свою комнату.

„Что у васъ за торжество?“ спросилъ я.

— „Угощаемъ сыновей фельдмаршала, графа Паскевича-Эриванскаго“, отвѣчалъ онъ, и мигомъ улетѣлъ отъ насъ.

Насъ повели по парадной лѣстницѣ.

„Нельзя-ли, любезнѣйшій, провести насъ по заднему входу, по черной лѣстницѣ, сказалъ я швейцару,—тутъ какъ разъ съ кѣмъ-нибудь встрѣтишься“.

— „Помилуйте, не беспокойтесь! Ничего-съ!“ проговорилъ швейцаръ.

Домъ Бороздина расположенъ былъ такимъ образомъ: съ парадной лѣстницы дверь въ большую комнату, изъ нея направо входъ въ залу, а на-лѣво—въ тѣ горницы, которыя занималъ Арсеньевъ.

На грѣхъ, первую комнату обратили для бала въ буфетъ и двери въ залу были вынуты.

Тутъ на столахъ, ярко освѣщенныхъ и обставленныхъ цвѣтами и зеленью, помѣщались чай, шоколадъ, мороженое, всякіе прохладительные и горячительные напитки, словомъ—такъ, какъ это обыкновенно бываетъ на всѣхъ большихъ балахъ.

Швейцаръ растворилъ дверь и мы очутились въ буфетѣ, то есть на балѣ.

Нѣсколько нарядныхъ дамъ, кушавшихъ тутъ лимонадъ, взглянувъ на насъ, взвизгнули и вылетѣли въ залу. Съ электрическою быстротою пробѣжало по балу извѣстіе о странныхъ людяхъ, находящихся въ буфетѣ. Танцы остановились, музыка затихла и все общество густою массою повалило къ дверямъ буфета. Я, какъ окаменѣлый, стою, не шевелясь, на одномъ мѣстѣ; какой-то старичекъ, оказавшійся впослѣдствіи г. Бороздинымъ, подскочилъ ко мнѣ и, теребя меня за рукавъ моего полушубка, кричалъ неистовымъ голосомъ:

„Кто вы? Говорите, кто вы? Люди! Люди!“

Я какъ будто опомнися, оглянулся назадъ, но никого изъ моихъ нѣтъ. Топорнинъ, Ѳедоръ и глупый швейцаръ, забывъ о моемъ существованіи, задали тягу.

Не будучи въ состояніи промолвить слова, я кинулся бѣжать, но, вмѣсто двери, лѣзу въ окно. Хохотъ, ропотъ, гнѣвъ, различныя восклицанія сыпались на меня со всѣхъ сторонъ,— а спасителя моего, Арсеньева, по несчастію, въ это время не было въ залѣ: онъ пошелъ въ свои комнаты, чтобы приготовить намъ пріютъ.

Наконецъ, я нашелъ выходъ, слетѣлъ кубаремъ по лѣстницѣ, выскочилъ на подѣздъ, гдѣ находился Топорнинъ съ Ѳедоромъ и, не говоря ни слова, пустился вдоль улицы.

Сопутники мои бѣгутъ за мною, а тройка съ экипажемъ едва насъ догоняетъ. Слышу я, что кто-то кричитъ:

„Ваше благородіе, постойте, помилуйте, сдѣлайте одолженіе!“

Я остановился и ко мнѣ подошелъ проклятый швейцаръ.

„Дмитрій Александровичъ приказали просить васъ пожаловать къ нимъ“.

— „Какъ, опять на балъ?“ сказалъ я задыхаясь.

„Точно такъ-съ“, отвѣчалъ швейцаръ.

— „Убирайся ты со своимъ Арсеньевымъ къ чорту! Скажи ему, что во всѣхъ жилахъ моихъ течетъ не кровь, а огонь; я чувствую въ себѣ всѣ признаки злой горячки“.

„Ничего-съ, ваше благородіе, будьте спокойны, я проведу васъ съ задняго крыльца; Дмитрій Александровичъ будутъ на меня гнѣваться, ежели вы не пожалуете“.

— „Мы не пойдемъ, сказалъ я швейцару рѣшительно; — а ты укажи намъ трактиръ, въ которомъ можно переночевать, потому что ѣхать далѣе я сегодня не могу“!

Швейцаръ привелъ насъ въ домъ какого-то чиновника, гдѣ дали намъ препорядочную квартиру. Напившись чаю, я какъ-будто оттаялъ и успокоился.

Ѳедоръ Ивановичъ сказалъ мнѣ, улыбаясь:

„Можно-ли было ожидать, что мы попадемъ на балъ“.

— „Нѣтъ, батюшка, отвѣчалъ я,—вы только видѣли балъ, а я такъ былъ на немъ“.

Въ это время явился человѣкъ и объявилъ намъ, что Ар-

сенъевъ просить насъ не уѣзжать изъ Екатеринбургъ, не повидавшись съ нимъ. „Дмитрій Александровичъ, прибавилъ посланный, приказалъ доложить, что онъ скоро пришлетъ вамъ ужинъ, а до тѣхъ поръ посылаетъ закуску, лафиту и шампанскаго“. Мы поблагодарили, нагрѣли лафитъ, заморозили шампанское и вспомнили слова поэта Языкова:

Упоительная влага
Оживитъ тебя всего;
Вспыхнуть гордость и отвага
Блескомъ взора твоего;
Самобытными мечтами
Загуляетъ голова,
И какъ волны за волнами
Изъ души польются сами
Вдохновенныя слова!
Строенъ, пышетъ мѣръ житейской
Развернется предъ тобой.
Много силы чародѣйской
Въ этой влагѣ золотой!

Арсенъевъ, коротко зная наши семейныя положенія, легко догадался, куда мы направляемъ нашъ путь, и, войдя къ намъ, сказалъ:

„Что вы дѣлаете? Вы губите себя неминуемо. Въ Екатеринбургѣ всѣ знаютъ, что вы ѣдете къ Ивашеву. Сейчасъ па балѣ мнѣ говорилъ объ этомъ жандармскій полковникъ, который непременно пошлетъ за вами погоню или подкараулитъ васъ на возвратномъ пути; опомнитесь, оставайтесь здѣсь и, проживя съ нами, возвратитесь благополучно въ Симбирскъ“.

— „Дудки! братъ Арсенъевъ, сказалъ Топорнинъ,—на пустомъ насъ не собьешь. Не пугай насъ жандармомъ; мы пошли на пропалю, такъ не струсимъ“...

„Ну, такъ я на васъ донесу“, сказалъ Арсенъевъ.

— Врешь, возразилъ Топорнинъ,—не донесешь; да и къ чему доносить, когда всѣ знаютъ, куда мы направляемся.

Арсенъевъ обратился ко мнѣ и сказалъ:

„Съ Топорнинымъ говорить невозможно, онъ вѣкъ былъ отчаяннымъ, но вы разберите хладнокровно то, что буду я вамъ говорить. Вы знаете, что я самъ нетрусливаго десятка и люблю смѣлыя выходки; но на этотъ разъ, божусь, что васъ непременно

схватятъ. Я понимаю, что вамъ возвратиться въ Симбирскъ, не повидавшись съ Васи́ліемъ Петро́вичемъ, очень неловко, но что-же дѣлать, ежели доѣхать до него трудно, а возвратиться невозможно. Отдайте мнѣ всѣ ваши бумаги, я ихъ спрячу; васъ здѣсь, можетъ быть, допросятъ; вы скажете, что пріѣхали ко мнѣ—и дѣлу конецъ. Родные ваши поблагодарятъ васъ за доброе намѣреніе и вдвое за то, что не пошли на вѣрную гибель!“

— „Вы говорите очень разумно, сказалъ я;—но я обѣщалъ Ѳедору Ивановичу, что ничто не поколеблетъ нашей рѣшимости—и сдержу мое слово; я сдержу его и потому, что если-бы я вздумалъ возвратиться, то Ѳедоръ Ивановичъ непремѣнно одинъ уѣдетъ впередъ!“

„Ну, въ такомъ случаѣ говорить нечего; дѣлайте, какъ знаете, но такъ какъ я вижусь съ вами въ послѣдній разъ, то выпьемте-же хорошенько по случаю вѣчной разлуки“.

Мы такъ хватили, что я не помню ни прощанья съ Арсеньевымъ, ни времени нашего отъѣзда.

Слова Арсеньева произвели на меня сильное впечатлѣніе, однако-же, мы проѣхали отъ Екатеринбургa довольно большое разстояніе не только безъ несчастій, но даже безъ приключеній.

Со дня нашего выѣзда изъ Казани морозы стояли необыкновенные: не было менѣе 26 градусовъ, а нерѣдко случалось 30 и болѣе.

Подъѣзжая къ одной станціи, часу въ седьмомъ вечера, мы вздумали тутъ хорошенько отогрѣться. У подъѣзда станціоннаго дома стояла отпряженная кибитка.

„Вотъ и встрѣча“, сказалъ Топорнинъ.

Я не очень желалъ встрѣчъ—и промолчалъ.

Мы вошли въ чистую горницу; на диванѣ очень чопорно сидѣлъ господинъ пожилыхъ лѣтъ, маленькаго роста, толстенькій, пристойно одѣтый, съ Владимірскимъ крестомъ, висѣвшимъ въ петлицѣ на длинной лентѣ; фигура вообще смѣшная, но довольно важная. Передъ диваномъ, на которомъ сидѣлъ господинъ, былъ столъ, на столѣ двѣ свѣчи, самоваръ, изъ котораго клубился паръ, на самоварѣ чайникъ. Ближе къ господину стоялъ подносъ, на немъ стаканъ, сахаръ и полная бутылка съ ромомъ. Владимірскій кавалеръ взглянулъ на насъ грозно и сказалъ отрывисто:

„Что за люди?“

Мы съ Топорниннымъ промолчали, а Ѳедоръ сказалъ: „Господа!“

„Что за дурацкій отвѣтъ: „господа“? Всѣ на свѣтѣ господа—и ты господинъ! Отвѣчай опредѣлительно: купцы вы что-ли или купеческіе приказчики?“

— „Дворяне“, сказалъ Ѳедоръ и пошелъ къ смотрителю, чтобы прописать нашу подорожную; незнакомый послѣдовалъ за нимъ, однако-же, очень скоро возвратился и, подойдя къ Ѳедору Ивановичу, спросилъ рѣшительно:

„Какъ ваша фамилія?“

— „Топорнинъ!“ съ примѣтною досадою промолвилъ Ѳедоръ Ивановичъ.

„Топорнинъ, Топорнинъ! фамилія мнѣ что-то знакомая“. И обратясь ко мнѣ сказалъ:

„Куда проѣзжаете?“

— „Въ Ирбитъ“.

„Зачѣмъ въ Ирбитъ?“

— „На ярмарку“.

„Въ Ирбитъ на ярмарку, проговорилъ кавалеръ.—Это что-то мудрено!“

— „Да что-же тутъ мудренаго?“ спросилъ я.

„А вотъ что мудренаго: до ярмарки еще долго, такъ что-же вы будете дѣлать въ Ирбитѣ?“

— „Ну... поглядимъ городъ... осмотримъ окрестности...“ сказалъ я глупымъ голосомъ.

„Какія окрестности можно оглядѣть зимою? Окрестности тамъ, какъ и вездѣ, на три аршина подъ снѣгомъ. Это вздоръ, это не то; вы что-нибудь скрываете! А какъ ваша фамилія?“ спросилъ меня кавалеръ что-то черезчуръ пытливо.

— „Толстой“, отвѣчалъ я.

„Графъ?“

— „Нѣтъ, не графъ, а просто“.

„Просто, просто! Ну, это просто—не очень просто, сказалъ кавалеръ и громко засмѣялся.—Нѣтъ, господа! продолжалъ онъ, садясь на диванъ,—я старый воробей, меня на мякинѣ не поймашь! Вы не въ Ирбитъ, а черезъ Ирбитъ въ Туринскъ пробираетесь“.

Меня кольнуло прямо подъ сердце.

„Вы направляетесь къ нашимъ“.

— „Къ какимъ вашимъ?“ спросилъ я грубо.

„Извѣстно, кто здѣсь наши! Ивашевъ, да Басаргинъ“.

— „Мы ихъ не знаемъ“.

„Ну, ладно; не знаете, такъ и ладно!“

„Что ты, чортъ этакой, подумалъ я.—Играешь что-ли съ нами въ кошку-мышку? Братъ, такъ бери, къ чему комедію ломать? Или ты, можетъ быть, ожидаешь подкрѣпленія?“ Ухъ, скверно! скверно было у меня на сердцѣ.

„Не угодно-ли чаю?“ спросилъ насъ кавалеръ.

Мы отвѣчали, что охотно выпьемъ по стакану.

„А какъ вы пьете, г. Толстой, просто? Съ ромомъ или просто?“

— „Съ ромомъ и съ аппетитомъ“, отвѣчалъ я развязно, корча молодца.

„А вамъ, г. Топорнинъ, какъ прикажете налить?“

— „Потрудитесь налить мнѣ полъ-стакана“.

„Что такъ мало?“

— „Вы нальете, а я погляжу; ежели чай покажется мнѣ крѣпокъ, то я долью стаканъ ромомъ“.

„Вотъ безподобно! Ха-ха-ха, вотъ это такъ! истинно прекрасно! Чудесно! Мысль новал, разжигать чай ромомъ! отлично, отлично“, и кавалеръ принялся цѣловать Топорнина. Не обидѣлъ онъ и меня своими ласками, говоря намъ: „Вижу, что вы ребята теплые! Извините меня, я сначала принялъ васъ за купеческихъ приказчиковъ, потому что съ виду вы показались мнѣ больно молодцоваты; послѣ я подумалъ, что вы золотопромышленники-милліонеры, потому что несловоохотны. А теперь вижу, что вы наша братья, коренные русскіе дворяне“. И онъ поправилъ свой Владимірскій крестъ.

Онъ назвалъ намъ свой чинъ, имя, отчество и фамилію (все сіе я перезабылъ), сообщилъ, что служитъ въ пермской уголовной палатѣ, имѣетъ въ Перми свой собственный домъ, который извѣстенъ тамъ каждому мальчишкѣ, и прибавилъ: „Полюбите меня такъ, какъ я васъ полюбилъ, то есть всею душою, и утѣшьте на старости лѣтъ вашимъ посѣщеніемъ“.

Мы принялись за чай; бесѣда наша пошла шумно и весело. Но вошелъ Ѳеодоръ и объявилъ, что лошади готовы. Кавалеръ вскрикнулъ съ отчаяніемъ: „Какъ! уже?“

Мы одѣлись, расцѣловались съ новымъ другомъ, коварно обѣщались заѣхать къ нему на возвратномъ пути, и разстались съ нимъ на вѣки. Я сильно подозреваю, что въ то время, какъ пермскій чиновникъ выходилъ изъ общей комнаты, онъ разспросилъ о насъ у Ѳедора и тотъ проболтался о нашей поѣздкѣ къ Василю Петровичу; однако-же, Ѳедоръ божился мнѣ, что онъ безъ насъ не только не говорилъ съ чиновникомъ, но даже и не видался съ нимъ.

Какъ-бы то ни было, а мы по страшному морозу мчимся въ Ирбитъ.

Въ то время ѣзда по сибирскому тракту была необыкновенно скорая, и вотъ какъ она производилась: подъѣзжаете къ станціи, васъ встрѣчаетъ толпа ямщиковъ, между ними начинаются споры, крики и часто драки изъ-за того, кому ѣхать? Когда вопросъ рѣшенъ, то всѣ они участвуютъ въ закладкѣ лошадей, потому что дикія лошади не идутъ ни въ оглобли, ни въ постромки. Когда упряжь кончена и пассажиры усядутся, ямщикъ привяжетъ себя къ козламъ экипажа, чтобы не свалиться, и закричитъ „пускай“; ямщики, удерживавшіе лошадей, быстро разбѣгутся по сторонамъ, и бѣшенная тройка летитъ во весь духъ, не разбирая ни горъ, ни мостовъ, ни ухабовъ, и только на слѣдующей станціи задерживается она новою толпою встрѣчающихъ васъ ямщиковъ.

Въ самый полдень вѣхали мы въ Ирбитъ; намъ оставалось до Туринска всего 60 верстъ, но мы придумали вѣхать туда ночью, чтобы не сдѣлать огласки, и въ случаѣ крайней опасности, повидавшись съ Василемъ Петровичемъ, въ ту-же ночь отправиться въ обратный путь. Мы пообедали, легли спать, но не спокойно отдохнули.

Внезапно были мы пробуждены страшнымъ крикомъ, доходившимъ до насъ черезъ перегородку сосѣдственной горницы.

Слышимъ, что Ѳедоръ нашъ баситъ неистово и кто-то во все горло кричитъ: „Батюшки, давить! караулъ, караулъ!“

Мы поспѣшно одѣлись; бѣжимъ въ ту горницу, изъ которой слышится шумъ, растолкали собравшійся тутъ народъ и видимъ, что Ѳедоръ, очень пьяный, схватя хозяина дома за шиворотъ, такъ и носитъ его на воздухѣ.

„Что ты дѣлаешь? закричалъ я на Ѳедора,—брось!“

Я не буду описывать подробно этой гадкой сцены, скажу только изъ-за чего она вышла: Ѳедору нашему показалось съ пьяныхъ глазъ, или, вѣрнѣе, онъ сочинилъ, что, вынимая кошелекъ съ деньгами, онъ уронилъ двадцатипяти-рублевую бумажку, а хозяинъ ее поднялъ и положилъ къ себѣ въ карманъ. Хозяинъ не выходилъ изъ комнаты и требовалъ, чтобы его обыскала полиція. Благодаря Бога, намъ удалось уговорить хозяина, и дѣло обошлось безъ полиціи.

На дворѣ становилось темно, когда мы сѣли въ баулъ, чтобы довершить наше странствованіе. Тройка наша впряжена была „гусемъ“; морозъ былъ почти невыносимый и промерзшія лошади наши постоянно дергали экипажъ.

„Далеко-ли до станціи?“ спросилъ я ямщика.

— „Шестьдесятъ верстъ“.

„Какъ? развѣ ты прямо повезешь въ Туринскъ?“

— „Да, въ Туринскъ прямо; по этому тракту за сто верстъ кругомъ, исключая Туринска, жилья нѣтъ“.

„А дорога какова?“ спросилъ я.

— „Дорога гусева; трактъ плохой, никто здѣсь не ѣздитъ. Бѣда, какъ разъ собьешься!“

„Вотъ еще удобство“, подумалъ я, влѣзая въ баулъ.

„Пошелъ!“ крикнулъ Ѳедоръ все еще пьянымъ голосомъ. Лошади рванулись и завизжали подрѣза подъ экипажемъ нашимъ.

Мы скоро вѣхали въ лѣсъ, вѣковой, дремучій, въ такой лѣсъ, который, за исключеніемъ не большихъ перерывовъ, тянется отъ Туринска до Ледовитаго моря. Несетъ насъ рѣзвая тройка по узкой дорогѣ, на которой слѣда почти незамѣтно. Вѣковыя сосны, ели и пихты стоятъ по обѣимъ отъ насъ сторонамъ; между ними—тьма кромѣшная, и только узкая полоса звѣзднаго неба свѣтитъ надъ нашими головами.

Ѳедоръ принялся браниться съ ямщикомъ; лошади пошли тише и тише и вдругъ совершенно остановились. Ямщикъ слѣзъ съ козелъ и, подойдя къ намъ, сказалъ:

— „Господа, уймите вашего лакея; онъ ругается, одолѣлъ меня совсѣмъ; я брошу лошадей и убѣгу въ лѣсъ!“

Мы просили ямщика не обращать вниманія на слова пьянаго человѣка; обѣщали ему дать хорошо на водку, ежели онъ дове-

зеть насъ благополучно до Туринска. Ямщикъ успокоился, сѣлъ на козлы рядомъ съ Ѳедоромъ и мы опять полетѣли.

Скоро поднялся крикъ пуще прежняго; оказалось, что Ѳедоръ веревкою привязалъ ямщика къ своему поясу и говорилъ ему:

— „Ты пугаль господъ тѣмъ, что бросишь лошадей и уйдешь въ лѣсъ; попробуй-ка теперь убѣжать отъ меня? Я тебѣ говорю, сиди смирно, ежели ты осмѣлишься только пошевелиться—я убью тебя изъ этого пистолета“.

Притихъ ямщикъ; молчимъ и мы съ Топорнинымъ, тревожно ожидая, что будетъ дальше. Пока Ѳедоръ привязывалъ къ себѣ ямщика, а тотъ отъ него отбивался, возжи, разумѣется, были брошены и подобрать ихъ было невозможно. Лошади, почувствовавъ, что никто ими не управляетъ, подхватили насъ жестоко. Экипажъ нашъ, задѣвая отводами за деревья, какъ мячъ леталъ изъ стороны въ сторону. Какими судьбами баулъ нашъ не разбился въ дребезги—я до сихъ поръ не могу понять.

Въ этомъ положеніи проѣхали мы около часу.

Вдругъ подъ возкомъ нашимъ что-то стукнуло и насъ такъ тряхнуло, что мы съ Топорнинымъ ударились лбами о переднюю стѣнку нашего экипажа. Лошади остановились, какъ вкопанныя. Пришлось вылѣзть.

— „Что такое?“ спросилъ я ямщика.

А онъ вмѣсто отвѣта горько заплакалъ, приговаривая: „Господи, Господи! Кажись, во всю жизнь не ѣзжалъ я съ такими разбойниками! Развяжите меня Христа-ради! Куда я уйду? Вѣдь мы верстъ 30 отѣхали отъ Ирбита; теперь въ лѣсъ не уйдешь—замерзнешь, или медвѣди съѣдятъ!“

Мы развязали ямщика, стали оглядывать и видимъ, что огромное дерево, вѣроятно сломанное вѣтромъ, лежитъ поперекъ дороги.

„Что-же теперь дѣлать?“ сказалъ я ямщику.

— „Чего дѣлать-то? Пропали—да и только, ложись—да помирай! Мы и съ дороги-то сбились, прибавилъ онъ. Ничего не подѣлаешь: ни впередъ, ни назадъ!“

Долго стояли мы въ раздумьи, что предпринять? Наконецъ, ямщикъ сказалъ:

„Надо походить по лѣсу, поглядѣть—нѣтъ-ли гдѣ объѣзда“.

Онъ пошелъ въ лѣсъ и просилъ насъ покрывать ему по чаще, что мы усердно исполняли. Ѳеодоръ нашъ что-то очень затихъ, кажется, порядочно струсилъ!

Ямщикъ скоро возвратился и сказалъ, что проѣхать кое-какъ можно—всего сажень пять тѣсновато. Отпрягли переднихъ лошадей, коренную осадили, свернули лѣсомъ налѣво, благополучно объѣхали карягу и выѣхали снова на дорогу.

„Садитесь, господа, сказалъ ямщикъ,—поѣдемъ на волю Божию впередъ, куда Богъ приведетъ“.

Проѣхавъ съ четверть часа, милый нашъ ямщикъ закричалъ намъ радостно:

„Ну, господа, молитесь Богу; мы не сбились съ дороги. Вотъ поляна, на ней есть землянка; огонь разложенъ, видно, народъ тутъ есть. Слава тебѣ, Господи!“

Я почувствовалъ въ душѣ моей такое блаженство, какъ будто самъ Богъ явился предо мною. Землянка, въ которую вошли мы, была очень просторная; стѣны ея обложены толстыми горбылями, закоптѣлыми отъ дыма; въ серединѣ очагъ, на которомъ горѣли дрова, а около дровъ грѣлись шесть человѣкъ проѣзжавшихъ крестьянъ.

Первымъ долгомъ сочли мы позвать ямщика и поднести ему большой стаканъ водки, которая была у насъ въ запасѣ. Онъ выпилъ, согрѣлся и очень весело началъ рассказывать проѣзжавшимъ крестьянамъ о нашихъ приключеніяхъ.

Я, между тѣмъ, расхаживая по землянкѣ, замѣтилъ, что на почернѣвшей отъ копоти стѣнѣ написаны были мѣломъ очень крупными буквами слѣдующія слова:

„Я здѣсь живу-страдаю. Я несчастнѣе всѣхъ твореній на землѣ!“

— „Кто здѣсь живетъ и страдаетъ?“ спросилъ я, усиливъ голосъ.

„Я, ваше благородіе“, отвѣчалъ человѣкъ высокій, стройный, красивый, но уже очень пожилой. Онъ рассказалъ намъ довольно длинную исторію, изъ которой я сообщу только самую сущность.

Онъ уроженецъ туринскій; отданъ былъ въ солдаты, служилъ въ Преображенскомъ полку унтеръ-офицеромъ и, окончивъ срокъ своей службы, возвратился на родину. Родныхъ онъ въ живыхъ не засталъ, отъ крестьянской работы отвыкъ и скучалъ

въ Туринскѣ. Между тѣмъ, слышитъ, что каждую зиму по дорогѣ изъ Туринска въ Ирбитъ мерзнетъ множество народу, и онъ придумалъ выкопать ту землянку, въ которой мы находились. „Все, что вы здѣсь видите, сказалъ добрый этотъ чело-вѣкъ—все сдѣлано моими собственными руками; долго длилась моя работа, но Богъ пособилъ мнѣ ее докончить. Я здѣсь живу подаваніемъ отъ пріѣзжающихъ, часто голодаю, а благодарю Бога за то, что хоть кому-нибудь могу быть полезнымъ“.

Топорникъ подарилъ унтеръ-офицеру 25 руб. Между тѣмъ, всѣ отогрѣлись и начали собираться въ походъ. Мужички, ѣхавшіе въ Туринскъ, взялись проводить насъ; всѣ мы тронулись разомъ и несчастная землянка опустѣла.

Радостно забилося мое наболѣвшее сердце, когда мы въѣхали въ Туринскъ.

Мы остановились на постояломъ дворѣ, очень близко отъ дома Василя Петровича.

Федоръ отправился къ Ивашевымъ объявить о нашемъ пріѣздѣ и долго не возвращался.

Я узналъ впоследствии, что нашъ милый Федоръ надѣлалъ много скандалу въ эту ночь: онъ съ страшнымъ шумомъ во-рвался въ домъ Ивашевыхъ, перепугалъ, бывшую уже смертельно больною, жену Василя Петровича, избилъ свою жену и грубо объявилъ, что старикъ Ивашевъ умеръ, а я пріѣхалъ въ Туринскъ.

Я пошелъ къ Ивашеву; до разсвѣта оставалось часа два, а сколько вопросовъ должны были рѣшить мы въ это время!

Въ снѣгахъ встрѣтилъ меня Ивашевъ и какая-то жепщина съ зажженною свѣчею въ рукахъ. Онъ обнялъ меня крѣпко и горько заплакалъ, однако-же, скоро оправился и сказалъ: „Пойдемъ ко мнѣ“. Женщина со свѣчею пошла впередъ, мы послѣ-довали за нею.

— „Не взыщи, мой другъ, что я веду тебя такими потемками, говорилъ Василій Петровичъ,—нельзя зажечь лишней свѣчки, не взбудоража все народонаселеніе; но не думай, что это происходитъ отъ недоброжелательства; нѣтъ, меня здѣсь всѣ любятъ и уважаютъ; но что-же дѣлать, когда любопытство и сплетни составляютъ неодолимые страсти туринскихъ жителей, а можетъ быть—и всѣхъ уѣздныхъ городовъ“.

Я засталъ жену Василя Петровича очень страждущею; былъ

девятый день послѣ ея родовъ и разлившееся молоко бросилось ей въ голову. Она почти не могла говорить, а просила, чтобы мы сѣли около ея кровати, чтобы слушать мои рассказы о Россіи.

— „Могу-ли я пожить съ вами хоть нѣсколько дней“, спросилъ я.

„Врядъ-ли, отвѣчалъ Ивашевъ.—Впрочемъ, я послалъ уже за товарищемъ моимъ Николаемъ Васильевичемъ Басаргиннымъ; онъ рѣшитъ, что намъ дѣлать“.

Я объявилъ Ивашеву, что со мною пріѣхалъ Топорнинъ; онъ не зналъ его, но очень обрадовался и сказалъ женѣ своей:

— „Можно-ли было ожидать такого сочувствія къ намъ изъ Россіи: люди намъ незнакомые, не смотря на всѣ опасости, пріѣзжаютъ навѣщать насъ“. Гонецъ отправился за Топорнинымъ. Басаргинъ и Топорнинъ явились скоро. Первый предложилъ объявить, по пріятельски, городничему о нашемъ пріѣздѣ и ждать его рѣшенія.

Между тѣмъ, начинало уже свѣтать и Басаргинъ разослалъ насъ по домамъ. На другой день, часовъ въ 9 утра, насъ позвали къ Ивашеву; при входѣ моемъ, Басаргинъ отвелъ меня въ сторону и сказалъ:

„Я пошелъ рано къ городничему, но проклятый Ѳедоръ предупредилъ меня; онъ донесъ, что вы пріѣхали, что въ образѣ привезли деньги и въ шубахъ зашитыя письма. Городничій не знаетъ что дѣлать!“

„Однако-же, мы придумали дѣлу дать другой оборотъ. Будутъ распущены слухи, что вы пріѣхали сюда къ откупщику по торговымъ предпріятіямъ. Откупщикъ—человѣкъ очень преданный Ивашевымъ, я его предупредилъ, и онъ проситъ васъ сегодня къ себѣ обѣдать. Однако-же, въ ночь вы непременно отправитесь въ обратный путь“.

Въ это утро семейныя дѣла наши были покончены и мы отправились обѣдать къ откупщику. Намъ показался довольно забавенъ способъ угощенія со стороны хозяина. Онъ послѣ каждого блюда наливалъ намъ по рюмкѣ водки, приговаривая: „Откупайте, сдѣлайте одолженіе, вино хорошее, 28 градусовъ перегару“. Но грѣхъ было-бы смѣяться надъ такимъ Авраамовскимъ гостепріимствомъ. Вечеръ и почти всю ночь провели мы съ нашими ссыльными друзьями. Намъ хотѣлось узнать подробности о томъ, какъ дѣлали имъ допросы, какъ содержали въ

крѣпости, какъ жили они на каторгѣ; но для всего этого не достало времени, потому что намъ приходилось отвѣчать на ихъ разспросы о Россіи. Мы слышали отъ нихъ слѣдующее мнѣніе: — „Всѣ мы благодарны государю; онъ строгъ по принципу, но добръ по природѣ: вручивъ нашу участь въ руки лучшаго изъ людей (генерала Ленарскаго), императоръ Николай Павловичъ проявилъ такое милосердіе, которому могли-бы позавидовать и самые великодушнѣйшіе изъ русскихъ царей“.

Въ эту-же ночь мы выѣхали изъ Туринска, брося тамъ проклятаго Федора.

„Еще одно послѣднее сказанье
И лѣтопись окончена моя...“

Утомленные страшнымъ физическимъ и нравственнымъ потрясеніемъ, мы заснули, какъ блаженные; заснули тѣмъ сномъ, который доставляетъ только вполне успокоенная совѣсть.

Сладкое отдохновеніе наше продолжалось 2 часа. Вдругъ быстро скачущая наша тройка остановилась. Экипажъ ярко освѣтился со всѣхъ сторонъ, застучали въ окна баула и закричали:

— „Господа, выходите скорѣе!“

„Ну, подумалъ я,—на этотъ разъ мы погибли неминуемо!“

Я выпрыгнулъ изъ баула, кто-то кинулся на меня и, крѣпко обхватя меня руками, сказалъ:

„Благополучно-ли съѣздили?“

Что такое? думаю я и не могу прійти въ себя. Вижу, вокругъ меня нѣсколько мужиковъ, съ зажженными лучинами, и вижу, наконецъ, что я нахожусь въ объятіяхъ знакомаго намъ преображенскаго унтеръ-офицера.

„Пожалуйте, господа, отогрѣйтесь, сказалъ онъ,—я поджидаль васъ во всю ночь и приготовилъ для васъ эту иллюминацію!“

Въ Екатеринбургѣ мы пообѣдали у Арсеньева; Пермь и Казань промелькнули передъ нашими глазами, и 26-го декабря (1838 г.) мы торжественно въѣхали въ Симбирскъ.

Г. М. Толстой.

Сообщ. А. П. Топорникъ.